

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 153. "[Ме-день-ки](#)"

а балалай шагает налегке,

позвякивая медью в кошельке -
последними погожими день-ками.
дыряв зипун из синих паутин,
и серый неподатливый ватин
сквозь дыры вылезает облаками.

повдоль деревни ясени рябы.
под ними кареглазятся грибы
и плятятся, смущая балалая.
орать всё реже хочется котам,
и журавли устали клекотать –
их караван летит.
собака лает.
там, где грустят у дома тополя,
ворчит дедок, что косточки болят,
что мало дров,
что бабка нынче злая,
что вся трава пожухла на лугу,
что балалайка нынче – «не в дугу» ...
ворчит
и огорчает балалая.

и, ключья-тучи пряча за рекой,
наш балалай жалеет стариков:
совсем у них день-ков осталось мало...
откроет во дворе колодец-рот,
пришедшей внучке на ухо шепнёт,
чтоб только деда с бабушкой не бросала.
и высыпает солнечную медь
в ладонь, чтоб деду косточки погреть,
сливает стынь в глубокие овраги.
и радуются все наперебой:
дед с бабушкой вредной,
девочка с водой
и пёс с котами.
грейтесь, бедолаги!

а где-то зной...
и горы велики...
и там чеканит солнце
ме-день-ки.

2 место

Конкурсное произведение 242. " [Насквозь](#) "

Когда побелит голубь твой карниз,
останутся следы как стрелки вниз -
неясно: вход ли, выход?
Голубь глуп.
Осенний лист к оконному стеклу
пожизненно пристал - как приговор.
В проеме разведенных
напрочь
штор
тасуют сумрак люди-фонари -
им проиграв, срывается на крик
фрамуга, загулявшая в ночи,
и тут же,
захлебнувшись,
замолчит
дворовый пустилай.
И ты, гранёный,
идешь петрово-водкиным конём –
соседом белой лошади.
Стакан,
как стёклышко тверёз и в стельку пьян,
тебя не отпускает – стой, куда!
Карманник-месяц режет провода
прозрачным краем: чик –
и связи нет.
Ухмылкой расплывается рассвет
над крышами домов - и вкривь, и вкось.

И спит с другим она,
твоя
насквозь.

3 место

Конкурсное произведение 167. " [Штрихпунктир](#) "

Точка-точка-тире, тамбур-тамбур-вагон,
барабанным пунктиром гремит перегон,
вот бельмо семафора, вот мачты рога,
полустанками крутит и вертит пурга,
в полосу отчуждения вбиты столбы,
обстоятельства времени, места, судьбы
по каким-то своим штрихпунктирным осям,
вот и вся изометрия, или не вся?
Невозможно уснуть и уйти в глубину,

ты глотаешь огни, словно окунь — блесну,
и гадаешь вслепую, где нос, где корма,
за бортом только снегом кипящая тьма,
а в окно проводник мимоходом налил
полстакана чернил, полстакана белил.
За плацкарту без мест рассчитайся сполна,
этот общий вагон — деревянный пенал,
в нём под крышкой катаются карандаши
и грохочет в ушах: «напишу!» «напиши!»,
по штaketнику шпал простучит «не забудь!» —
это пепел прощаний колотится в грудь,
это порошок пути в твоём горле першит,
это вьюга летит и метёт во всю ширь,
прошивает тебя штрихпунктирная ось,
лучевая симметрия пятен, полос,
всех отметин родимых, примет родовых,
но не сходство — родство ударяет под дых,
перепутаны знаки, размыты следы,
не напиток железнодорожной воды.
Этот поезд в огне не сгорает, гудит
и толкает соломенный свет впереди,
тамбур-тамбур-вагон, отлетающий шум,
точка-точка-тире, «напиши!» — «напишу!»

4 место

Конкурсное произведение 285. " [КПП](#) "

Порой и смерть по-своему добра.
Скоропостижно, где-то в шесть утра,
Петров увидел ключника Петра
и если удивился, то не очень.
А тот на вахте дул зелёный чай,
поигрывал брелоком от ключа
и спрашивал входящих, хохоча,
то справку от врача, то наш ли Отче.
Народ обескуражен был и вял.
Веселия его не разделял.
И каждый номерок в ладошке мял
с числом каким-то бесконечнозначным.
Им Пётр был ни сердцу, ни уму.
Вертушка всех гребла по одному,
бросала их со щёлканьем во тьму,
ни планов, ни надежд не обозначив.
Петров остановился в проходной -

а он всегда был парень заводной -
и говорит: "А может, по одной?
Ну что ты с этим чаем, дядя Пётр?
За вас, за нас, за ангельский спецназ!
За Божий перст и за Его же глас!
Вот что за скукотища тут у вас?!
Ползём, к зубному словно на осмотр.
Ведь так и сдохнуть можно от тоски...
И вот зачем, скажи-ка, номерки?
Харон, небось, на берегу реки
не вычисляет, цепанёт ли килем".
Апостол рёк: "А ты, Петров, нахал.
Я никогда такого не слышал.
Но сам подумай: если б я бухал,
меня б на КПП не посадили.
Касаемо же этих номерков -
здесь завсегда порядок был таков.
Как говорится, испокон веков
народ спокойней, если он посчитан.
Ты оглянись: стоят тихонько в ряд,
Не голосят, не воют, не бузят.
Ждут очередь. Иначе ведь нельзя.
Ментальный блок. Обычная защита.
И ты, брат, не задерживай, иди.
Вон, слышишь, как настойчиво гудит?
Да и начальник мне потом гундит,
Что вновь полцеха к смене опоздали".
Петров кивнул, дал краба старику.
Вертушка щёлкнула, и он прошёл к станку.
И стал работать. В десять - перекур.
А там обед. Всё прочее - детали.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 393. " [Николай](#) "

улица коперника ясенный хэштег
искры поздних бархатцев прожигают снег
серебрится башенка в сотню ипотек
створки супермаркета коды люди полки
льётся из динамика тят да ляп да лепс
мчит телегу колынька тощ небрит нелеп
покупает мелко молоко да хлеб
доширак да луковку душирак он колька

душирак он колинька старый дурачок
бросит к лавке латаный нищенский мешок
тронет искру бархатца дунет горячо
у костра прогреется скинет шарфик ветхий
наматает ясеню холодно поди
позвонки древесные сдуру застудил
я такой же колинька оживел гляди
и синичка луковка скок-поскок по веткам

с веток поднимается в небоятный верх
на верху написано улица ко-пер-
остальное спряталось среди небесных сфер
и они вращаются точно точно помню
никтолай astrologus щурясь смотрит вниз
рецептура снадобья мёд шафран анис
назову по имени дескать исцелись
гелиоцентрически попен знамо отен

возвратилась милая хлеба накрошу
а себе горячее быстрюю лапшу
или быстрых капель бы в сердце стук и шум
отчего-то радостно отчего-то сонно
улица коперника канцелярский текст
сквозь шеренги башенок маркетов аптек
мчит телегу колинька мчит который век
и в телеге мелко молоко и солнце

Конкурсное произведение 213. " [Суть](#) "

... а суть моей ладони такова,
что в ней хранятся разные слова -
и целые, и даже половины –
на птичьём,
человечьём
и зверином,
поэтому плывет моя ладонь,
как лодочка, сквозь воду и огонь,
навстречу ей сквозь горы-раки-реки -
зверье мое и люди-человеки.
И в каждом слове есть змеиный яд,
и в каждом слове – сто слогов подряд,
и всякий - шерстяной,
пернатый,
голый -

и жалится, и сердцем жжет глаголы.

... а суть моей ладони такова –
пуста, как ни крути, как дважды два:
зачем мне кукареки-раки-рыки,
коль я немой и даже безъязыкий.
Сменю ладонь на правильный плавник,
закрою рот, чтоб некто не приник
и словно сом, который воду мутит,
уйду на дно, без звука и без сути,
не обессудьте.

Конкурсное произведение 412. " [Эпизод](#) "

она играет трупы в сериалах
пластичная - но этого не видно
зато ее божественные стопы
открыты для любителей земного

такие стопы! что там ваш анапест
к нему не прикоснёшься ты щекою
а здесь - почти младенческая кожа
нежнейшая как бархатный песок

отсюда и желание режиссёров
снимать её почаще крупным планом
точнее не её а только стопы -
их лебединый профиль и анфас

и пальцы! выразительный арахис
немного узловатые но - в меру
о! эту меру взять бы Леонардо
да Винчи не дожил до наших дней

и вот она свисает с толстой ветки
иль пеною выносится на берег
иль найдена в каком-то скверном месте
сценарии не блещут новизной...

но стопы! изумительные стопы!
не верю прокричал бы станиславский
таких на этом свете быть не может!
а у неё как видите - нашлись!

и вот она в просторном павильоне

под простыней - как камень неподвижна
исходит от нее античный холод
свисает бутафорский номерок...

*

звучит безоговорочное "снято"
помощник подставляет нумератор
под объектива чуткое стекло:
кадр 3-й дубль 11-й... хлоп!

киношный морг теперь пчелиный улей
она еще лежит но первой пулей
влетает костюмер за простыней -
он как и все торопится домой

потом гримёр как гонщик аккуратен
освободит её от трупных пятен
снабдив салфеткой: подотрёшь в паху
а я бегу прости меня бегу...

*

она любит просматривать фильмы в которых снималась
садится в огромное кресло
укутывается в плед
из-под которого торчат ее розовые пятки
маленькие узкие стопы
сложены книжкой

о чем она?

Конкурсное произведение 400. " [Верещагины](#) "

Череповец – чепец, печаль, оправа
овальная для важного лица.
Машины маслоделательной слава
в имяне Верещагина-отца.

Дождь перестал охотиться беспечно
за отраженьем в зеркале реки.
Жаль, осень так буквально быстротечна –
отточием не удлинить строки.

Скатерть серая отутюжена –
Закатали солнце в асфальт.
Не доехали мы до Устюжны,
И до Устюга не достать.

Где стоим – пополам расколота
В дождь отмытая добела
С крышей-колоколом колоколенка,
Чьи замолкли колокола.

Осень поздняя, утро раннее,
Только голуби и дымки:
Только банями да сараями
Склон ощерился до реки.

Брёвна мхом поросли и чагами,
Да сорока вдруг верещит.
Вся надежда на Верещагина –
Да надежду ищи-свищи.

Верещагин сидит на каспийской таможне.
От вина и от выстрелов воздух рябит.
«Я ведь, знаешь, Петруха – великий художник!», –
Верещагин в запале Петру говорит.

«Я писал звонкий зной самаркандского неба,
Запечённый в лазури восточных аркад –
Я любил эту жизнь, обращённую в пепел,
Лязг ружейных затворов и дым канонад.

Я прошёл Туркестан, а погиб на Японской:
Броненосец на рейде – не абы чего!
Я, Петруха, мечтал любоваться на солнце –
Написал, как сверкает гора черепов...

Там сияло светло – только солнца не видно,
Только фурии смерти неслись по пятам.
Мне, Петруха, пойми, за державу обидно!» –
И Петруха кивает, до чёртиков пьян.

Вот они обнялись, как братишки, как должно,
Комарьё налетевшей картечи кляня:
Луспекаев, артист, Верещагин, художник,
И Петруха – ключами от рая звеня.

* Череповец, Устюжна, Устюг – города в Вологодской области.

Конкурсное произведение 422. " [Кафка](#) "

Иду по кромке вызревшего поля,
попутчик рядом – полукровка-колли –
прибился возле станции «Лесной».
Не я живу здесь – дача у подруги,
и не пойму, с какого перепуга
он увязался именно за мной.

Могла бы прямо, но пошла по полю,
хотелось солнца, синих колоколен
на сильных перекрученных корнях.
Он следом плёлся по дороге сорной,
всем видом демонстрируя покорность,
назначив предводителем меня.

Сосисок нет – бисквитное печенье
исчезло в пасти.
– Видно, ты ничейный?
Он машет мне свалявшимся хвостом.
– Такое дело... знаешь, – говорит он. –
На этом свете все ничьи, но чьи-то,
и совершенно вольные на том...

– Ты знаешь мой язык? Ну, прямо демон!
– Да нет, конечно, что ты куришь, Лена?
Я просто пёс, обычный старый пёс,
я разучился выть и даже гавкать,
а ты, должно, перечитала Кафку, –
и снова в ход пошёл плешивый хвост.

Шпионил ветер, нервничало небо,
скопились тучи оборонным гребнем
и осмелел новорождённый гром.
По кромке неба, растворяясь в хмарах,
бежал мой колли, вольный и нестарый,
виляя распушившимся хвостом.

Он улыбался или даже гавкал,
гроза кривилась улетающей галкой* –
как ломкий росчерк на листе пустом.
А на конвертах плавилась чернила,
и вместе с летом память уходила

бродить по миру беспризорным псом.

На этом белом свете.
И на том.

*Кафка в переводе с чешского – галка. Изображениями этих птиц отмечали фирменные конверты семьи

Конкурсное произведение 177. " [Никто](#) "

Шуршание листвы - лесной молитвослов.
Как много у него сплетений и узлов,
созвучий и речей,
речушек и ключей,
А человек он - вот,
как будто бы ничей,

как будто бы ничей, как будто бы нигде,
в кромешной тишине, в звенящей темноте,
и в глухонемоте,
и вечной мерзлоте,
а пеночка твердит:
"Не те,
не те,
не те... "

Эмалевых небес зияет глубина,
и травяной псалтирь читается со дна
то жаворонком, то
осиновым листом,
а человек он кто?
Никто,
никто,
НИКТО.

